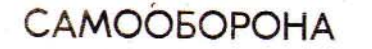
Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

На Западе музеи все чаще подвергаются ограблениям.

САМООБОРОНА

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КРОКОДИЛ

№ 4 • ФЕВРАЛЬ 1974

— Вчера на выставке Тутанхамона была... Умеют же на Западе делать безделушки!

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

А. ХОДАНОВ,
специальный
корреспондент Крокодила

Это факт, что в бурный век стальных конструкций, одноликих песен и многосерийных телефильмов все часы, от доисторических «Павла Буре» до пижонской «Сейки», безнадежно устарели. Да и можно ли всерьез ими пользоваться, если секундная стрелка прочно заменила часовую? События обгоняют время, человек опережает самого себя!

Но

ЭТО не искореняется.

Более того, ЭТО вошло в нас, как Эйфелева башня в парижанина, как «Вечерка» в душу москвича-пенсионера.

Словом, все давно к ЭТОМУ привыкли. А однажды обрусевший француз Бодуэн де Куртенэ подвел итог, психологически завершив стройную систему ЭТОГО, в результате чего родились исследования о непечатных словах.

Заслуга выдающегося лингвиста в том, что он первый категорически заявил: непечатное слово должно иметь место в языке, так как оно выражает ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ.

Все, кажется, предельно ясно. ЭТО было, есть и будет, и как же я удивился, получив письмо тракториста Капкана из уральского совхоза «Восход»! Надо же, взрослый, солидный и даже семейный мужчина возмущен управляющим первым отделением совхоза Сисингалиевым, и за что?! За ЭТО самое, за нецензурную брань в его, Капкана, адрес!

Началось-то все с таких пустяков, что и говорить не хочется. Осуществлял Капкан техуход за своей машиной, а тут на тракторе возьми да и откажи приборы. Ну зачем, спрашивается, трактору приборы, если он и без них колесами вертит? Вот и управляющий Сисингалиев думал точно так и велел Капкану ехать пахать. А тот отказался: дескать, бережно надо к сельхозтехнике относиться и все такое.

И что, скажите, оставалось делать Сисингалиеву, у которого после слов тракториста о приборах возникло ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ! По причине этого он и отвел душу, обматерив Капкана. И ничего особенного в том не было. А что душа отводилась в присутствии бригады и учащихся профтехучилища, так и это не должно удивлять. Что они, с луны, что ли?

А Капкан обиделся, заперся в комнате и настрочил в редакцию, что материл его Сисингалиев четвертый раз, что матерится он отнюдь не примитивно, а возводит из нецензурных слов небоскребы самых современных силуэтов, с бассейнами на крыше и вертолетными площадками. И что, по его, Капкана, мнению, нецензурная брань для Сисингалиева — лучший заслон против местных правдоискателей и возмутителей служебного спокойствия. Что якобы удобство этого универсального средства весьма располагает к систематическому его употреблению. Что если взять иные пути решения многочисленных совхозных проблем: походы к дирекции, мучительные звонки по телефону, который вечно отказывается работать, трату времени на пробивание, составление официальных писем, порчу отношений с руководством — замучаешься! А тут набрал в легкие побольше воздуха, сдвинул брови, включил полную громкость и . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И все тихо!

Так уж получилось, что прочел я письмо Капкана во время перерыва, на хоккейном матче, невольно прислушиваясь к разговору двух болельщиков, ведших спор в аспекте выводов Бодуэна де Куртенэ. И ничего в том не было предосудительного, потому как все понимали: у обоих ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ.

А тракториста Капкана покоробило. Мало того, что замечание Сисингалиеву сделал, к самому директору совхоза товарищу Куспаеву по такому ничтожному поводу обратился.

Но товарищ Куспаев оказался на высоте. Он все понимал и совершенно справедливо ответил:

— Мы же мужчины, товарищ Капкан. Между мужчинами можно.

И директор был совершенно прав. Разве матерная брань по поводу выполнения работы, разве нецензурные слова при выяснении служебных отношений «между мужчинами» не есть явление обычного порядка, разве не свидетельствует о полезных качествах выражающегося? Именно так! Только так!

— Он у нас хороший руководитель!— вполне справедливо говорят про выражающегося. — Правда, грубоват. Но ведь грубость-то не в семье! Не на улице! Ради одного лишь дела! Ради пользы предприятия!

Ну, как здесь возразить? Все логично! Ан находятся отдельные неженки и хлюпики, которые протестуют: дескать, дела-то без человека быть не может, дескать, нецензурная брань, обращенная к человеку по поводу «дела», бьет прежде всего по этому самому «делу»! Все это просто слова, демагогия. Так, чепуха!

Вы понимаете, сколь огорчила меня реакция тракториста на правомерные действия управляющего. Честно сказать, я бы ни за что не поехал разбираться с его письмом, если бы не подозревал, что речь Сисингалиева выходила за рамки предмета исследований Бодуэна де Куртенэ. Это было уже крайне любопытно. Поэтому я записался в одну из солидных библиотек и, пряча глаза, попросил выдать мне словарь нецензурных слов.

Обслуживающий персонал изумленно посмотрел на меня, покраснел, но просьбу выполнил. Правда, в отличие от всех других редких книг эта оказалась запеленатой в непроницаемый ватман.

— Запирайте, пожалуйста, в стол и не читайте в метро,— напутствовали меня работники библиотеки.

...Уральск встретил меня мокрым, липким снегом. Прохожие, отчаянно балансируя ручной кладью, хватались за столбы и мелкими шажками семенили по улицам, покрытым коварным мутным стеклом. Сугробы напоминали громадные куски сахара, оплывшего от огня. Теплый, пахнущий свежим сеном ветерок зажигал озорной румянец на щеках деловых людей, обутых в пуленепробиваемые валенки.

Для того, чтобы ощутить капризный нрав североказахстанской зимы, мне пришлось сесть в разбитый автобусик, который стартовал ранним утром с девятой площадки городского автовокзала и взял курс на совхоз «Восход».

Когда автобусик притормозил у очередного островка домов, который оказался третьим отделением совхоза, я спрыгнул на снег, не уступавший по твердости хорошему бетону. Контора встретила меня доменным дыханием раскаленных батарей, тревожным топотом спешащих куда-то людей и мелодичным голосом черноволосой красавицы, бросавшей в эфирную бесконечность совхозные позывные: «Я — Кувалда, Кувалда, Кувалда!..»

Просторный кабинет директора заполнился довольно обширной мужской компанией. Окна подернулись табачной дымкой, и пошел разговор о письме в редакцию и других проблемах совхозной жизни.

— Недостатки есть,— сказал и. о. директора главный зоотехник Айтасов.— Знаем. Боремся.

— А как насчет, гм, брани?— спросил я, но вопрос этот никого не задел.

— Так мы же мужчины,— думая о чем-то другом, более достойном и важном, ответили присутствующие.— Главное, не судите плохо о Сисингалиеве. Ценный работник. Да вот и он сам.

Я ожидал увидеть мужественного великана с красиво развитыми надбровными дугами, а передо мной уселся худощавый, с усталым лицом человек в брезентовом плаще.

Тихонько достав из портфеля словарь, я ждал, томимый желанием сравнить... Тщетно. Сисингалиев говорил что угодно, но только не ЭТО. Да, объяснился нецензурно, ну и что? Не ради себя — ради дела!

— Простите...— прошептал я ему на ухо.— Вы не могли бы продемонстрировать, как это было?

— Ни за что!— неожиданно смутился Сисингалиев.

— Тогда, может, покажете?— попросил я, раскрыв перед ним книгу в ватмане.

Сисингалиев ткнул пальцем в три слова, которые оказались самыми примитивными и тусклыми из великолепного набора, и сразу стало скучно. Я попрощался и заспешил домой.

До Уральска меня подбросил водовоз совхоза Максуд Нуменов. Собственно, слово «водовоз»— это уже рудимент. Давно прошли те времена, когда у водовоза на вооружении были бочка и сивый мерин. Я мчался по зимней уральской дороге в теплой кабине ГАЗа-53 и думал о том, какое значение в жизни человека имеет неистребимое матерное слово. Потом я вытащил из портфеля приемник, пошарил на ощупь по эфиру и, когда в кабине раздалось: «Я — Кувалда, Кувалда, Кувалда!..», меня вдруг осенило. Действительно, если даже лексикон радиосвязи строится на индустриальной основе, то почему это не отразилось на содержании редкого словаря? Ведь в этом-то все и дело! Жизнь шагнула вперед, а матерное слово — на уровне современников Ивана Калиты.

Отсюда и обида: как же нас, передовых, интеллигентных, интеллектуальных, можно костерить словами «старины глубокой»! От смелой инженерной мысли у меня перехватило дыхание... НАДО ВВЕСТИ НОВЫЕ СЛОВА!!! И обязать каждого считать их нецензурными!

Думаете, ерунда? А вот представьте: вы толкаете кого-то в автобусе, наступаете ему платформой на штиблеты, пытаясь пробраться к выходу, случайно упираетесь локтем в его сонную артерию. Словом, вызываете у соседа-пассажира ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ДУШИ, в связи с чем слышите в ответ:

— Ах ты, раскатȁн-шакатáн! Растипȍпар культýр-мультýр!

И вы нисколечко не обижаетесь. Нововведенная матерщина не режет ваши образованные уши. Вы даже смеетесь, вам приятно.

— Сам культýр-мультýр!— беззлобно говорите вы.— От растипȍпара слышу!

И все довольны. И приличия соблюдены и нервы целы.

Чапаевский район,
Уральской области.

— Марья, ты чего там на столбе делаешь?
— Наш председатель привык, чтобы ему указания сверху спускали...

Рисунок
Е. ЩЕГЛОВА

Владимир
КОТОВ

В ГОСТЯХ У ТЕЛЕВИЗОРА

Мой старый приятель сказал:
«Заходи
в субботу ко мне вечерком.
С женой познакомлю тебя,
посидим,
побалуемся чайком.
Все будут так рады!
И теща!
Поверь!..»
Пришел я в назначенный час.
Кто-то, не знаю,
открыл мне дверь
и тут же пропал с моих глаз.
Вхожу.
На столе, как на всяком столе,—
закуски меж ложек и вилок.
Все остальное —
в мерцающей мгле.
Я пригляделся —
сидят в этой мгле...
затылок,
еще затылок...
Сидят и безмолвствуют.
Чур, не спугни!
Да не испорти картины...
Ну где и какая тут личность!
Одни
уши я вижу да спины.
Идет передача.
Синеют лучи.
Динамик работает мощно.
Берут интервью
или лупят мячи —
Все остальное замри, замолчи! —
но пропустить разве можно!
Сидят
и не сдвинут в сторону
взгляд,
все, что вокруг, отбрасывая!
Глаза, как бездонные бочки,
торчат,
все
без разбору
всасывая!
Стою я, досады своей не тая,
улыбаясь невольно и тупо...
Откашлялся я и сказал:
«Это я».
И вышло совсем уж глупо.
И дальше все было нехорошо,—
не знаю, кто тут в ответе,—
но я постоял, постоял
и ушел,
никто меня
не заметил!

Александр ЧИКАРЬКОВ

ОСЕЧКА

Придя на собрание с опозданием всего на один час, Олег Павлович немедленно направил в президиум записку: «Прошу предоставить слово. Глушанский».

Получив слово, Олег Павлович преданно взглянул на сидящего в президиуме нового директора и хорошо поставленным голосом опытного оратора произнес:

— В содержательном выступлении нашего нового директора Василия Васильевича было очень много правильных мыслей и четких указаний. Да, товарищи, совершенно верно, мы должны лучше работать, намного лучше мы должны, товарищи, работать. И Василий Васильевич абсолютно прав, говоря, что в деле должны сочетаться крепкая сознательная дисциплина с повышением качества работы. Да, товарищи, наша работа должна быть образцовой, стопроцентно эффективной...

Олег Павлович повернулся в сторону президиума собрания и увидел, что новый директор с большим интересом смотрит на него. Это придало силы Олегу Павловичу, и он вдохновенно продолжал:

— Очень правильное указание сделал Василий Васильевич по поводу того, что у нас не должно быть отставания, а для этого необходима, товарищи, тесная взаимосвязь в работе отделов. И еще абсолютно прав Василий Васильевич, сказав...

Тут председатель собрания встал и несколько смущенно произнес:

— Извините, Олег Павлович, что я вас прерываю, но дело в том, что наш директор еще не выступал. Видите ли, Василий Васильевич задержался в управлении и попросил его выступление перенести к концу собрания. Пожалуйста, Олег Павлович, продолжайте...

Зурхан ГЕМАЗАШВИЛИ

КОГДА ЭТО БЫЛО?

У нее были большие серые глаза и возраст 28 лет.

У него — длинные ноги и расклешенные брюки. И тоже — 28 лет.

47-летнему судье, повидавшему на своем веку немало разводов, очень не хотелось, чтобы разрушалась эта молодая семья.

— Когда вы поженились? — спросил он.

— Спросите его, он, вероятно, даже не помнит...— У нее на глаза навернулись слезы.

— Начинается! — вздохнул муж.— Как же не помнить, когда в тот день мы выиграли у «Спартака» со счетом 1 : 0. Это было тридцать первого марта шестьдесят четвертого года.

Судья пристально посмотрел на мужа, потом снова обратился к жене:

— Дети у вас есть?

— Да, мальчик...— Лицо у нее на мгновение посветлело.— Но спросите его. Разве он помнит, что у него есть сын?

— Опять за свое,— поморщился муж.— Как же мне не помнить такую дату? Разве сын родился не в ноябре шестьдесят седьмого? В тот день мы с блеском выиграли у московского «Динамо» — 5 : 11. Вот был матч! Вы что, не помните?

Глаза у судьи на миг загорелись, но он взял себя в руки.

— Когда у вас начались первые ссоры?

— В шестьдесят пятом. Ужасный был год. Мы проиграли «Зениту» 2 : 1 четырнадцатого июля, хотя у нас еще были шансы на первое место. И вдруг московское «Динамо» преподнесло нам 2 : 1, оба гола забил Численко, а потом мы сделали с «Шахтером» ничью...

— Вы слышите? — многозначительно спросила она.

— Я вас понимаю,— сочувственно вздохнул судья.

Она вновь достала платочек.

— А как вы познакомились? — спросил судья.

— Будь прокляты тот день и то место,— простонала она.— Как раз на стадионе мы и встретились...

— Да, да, на стадионе. Ух, черт, вот это была игра! «Динамо» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси). 2 : 1 в пользу тбилисского «Динамо». Авторы голов — Метревели и Месхи. Ребята забили прямо-таки профессорские голы! Миша Месхи бьет по воротам левой, прыжок Беляева...

Тут судья не выдержал и ударил кулаком по столу:

— Во-первых, Месхи забил этот мяч головой! А во-вторых, в воротах стоял не Беляев, а Лев Яшин! А в-третьих, я вас не разведу. Не позволю разрушать семью из-за футбола. Вы успокойтесь,— обратился судья к молодой женщине.— Я вынесу частное определение, чтобы вашего мужа в 1974 году не пускали на стадион в дни футбольных матчей.

Семен КОМИССАРЕНКО

ЗАПИСКА

Директор нашей фабрики отчитывался перед собранием о проделанной работе.

— Вопросы,— сказал он,— прошу подавать в письменном виде.

Решил и я задать вопрос. «Почему у нас,— написал в записке,— направо и налево расходуется дефицитная бронза?» И подписался: «Васькин С. Т., крановщик». После чего вручил записку сидящему впереди мастеру нашего цеха Пепеляеву, чтобы тот передал ее дальше.

— Кто ж пишет на клочке бумаги? — сказал Пепеляев.— А кроме того, не ясно, кому записка.

— Директору. Кому ж еще?

— Значит, надо так и писать: «Уважаемый Анатолий Максимович!» И затем уже про эту самую бронзу...

Я взял лист бумаги и переписал как надо. Но записка пошла не по прямой между двумя точками: мной, значит, и директором, а каким-то зигзагом, и попала к старшему мастеру. От него она вернулась ко мне. «Что ж ты, Васькин,— писал мастер,— так нахально выпытываешь про эту самую бронзу! И у кого? У нашего директора! Если действительно интересуешься, надо культурненько спросить: «Так, мол, и так, убедительная просьба осветить насчет бронзы, если останется время. Мол, если не останется, можно и не освещать...» Когда я вас научу вежливости?»

Я переписал про бронзу еще раз (сбоку подсунули атласную бумагу). На этот раз записка возвратилась от начальника цеха с резолюцией наискосок: «Что ж у вас оттеняется только недостаток (с бронзой)? Разве нет положительных явлений в работе цеха? (с включением тов. Васькина). В записке, как обычно, начать с достижений цеха (цифры взять у плановика), привести конкретные факты, фамилии (с доски почета) и в конце: «Наряду с бесспорными достижениями цеха имеются и отдельные недостатки (с бронзой)...»

В конце концов записка вернулась от главного технолога. Свое мнение он высказал кратко: «Отпечатать в трех экземплярах. Хорошо бы добавить и про достижения других цехов. Про бронзу убрать...»

Записка поспела в президиум к закрытию собрания.

— О,— обрадовался, прочитав ее, директор.— Есть уже и проект резолюции о нашей работе! Кто за то, чтобы принять его за основу?

Б. БЕРМЯК, А. ЮРИКОВ

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕННАДИЯ ПЕРЕПЕЛОВА, СЭРА

Сэр. Я почувствовал, что через секунду мне выстрелят в спину. Профессиональное чутье подсказало: за моей спиной вновь стоит он. Он, не знающий пощады, вездесущий и неутомимый, не дающий мне ни минуты покоя... «Надо покончить с этим раз и навсегда»,— решил я, обернулся и выстрелил.

Геннадий Перепелов. Я почувствовал, что этот старый зануда опять на меня уставился. Сейчас подойдет и спросит: «Чем это ты в рабочее время занимаешься?» А я на машинке визитные карточки печатаю: «Геннадий Перепелов, сэр» (меня сэром друзья называют). Вот, уже подошел:

— Ты что? В Англию собрался? Рано тебе. Рабочий день еще не закончился. Пойди на свое место и займись делом.

Я сел за стол, подумал и стал нанизывать скрепки одну на другую. До конца рабочего дня оставалось восемьдесят две скрепки.

Сэр. Дверь мне открыла привратница. В гостиной меня встретила Элен, очаровательная хозяйка дома. Мы сели в глубокие кресла у камина.

— Виски, джин? — предложила она.

— Да, пожалуй,— согласился я,— и еще чуть-чуть «Чинзано» и капельку «Мартини».

Вошел хозяин — высокий блондин с энергичным лицом.

— Поздоровайся с сэром,— представила меня хозяйка.

В камине уютно потрескивали дрова. Глядя на них, я рассказал об ужасах энергетического кризиса в Западной Европе и предположил, что нам не следует ждать милостей от природы.

— Вы чертовски правы, сэр,— сказал хозяин.— Взять их у нее — наша задача.

Геннадий Перепелов. Дверь мне открыла Ленка.

— Здорово, сэр. Выпить принес? — спросила она.

Я достал из портфеля «Гратиешти», и Ленка повела меня на кухню, где уже сидела целая компания.

— А чего в комнату не приглашаешь? — поинтересовался я.

— Там Слава спит,— ответила Ленка,— ему вечером на дежурство.

Сначала поговорили о футболе, потом поспорили о хоккее, а когда допили то, что еще оставалось, решили, что все-таки Тихонов играет лучше Броневого. Но тут вошел заспанный Славик и сказал:

— Заткнетесь вы в конце концов?

Сэр. Когда Том Джонс кончил петь и за гитары взялись «Роллинги», в зал, легко ступая туфлями на платформе, вошла девушка, длинноногая и длинноволосая. Мы долго танцевали с ней, а потом я на своем «фиате» отвез ее домой. Прощаясь у старинной ограды, я попросил разрешения поцеловать ей руку.

— О нет, мы слишком мало знакомы,— ответила она и исчезла, оставив дивный аромат.

Геннадий Перепелов. Когда сбацали последний шейк и оркестр смотал удочки, оказалось, что мне надо провожать эту рыбу в красном пальто... Хотел ее в подъезде поцеловать — зря, что ли, в такую даль перся,— так она заорала, будто ее режут. Мало того, что из Медведкова, да еще и дура.

Сэр. Когда я вернулся домой, во всех двенадцати комнатах горел свет. В столовой меня ждал холодный ужин. Есть не хотелось. Хотелось работать. Я сел к роялю и сочинил «Поэму экстаза». Потом подошел к холсту и написал «Девочку на шаре».

Светало. В календарь на следующий день я записал: «Закончить «Войну и мир». Обдумать теорию относительности».

Геннадий Перепелов. Когда я притащился домой, меня окончательно развезло. Утром проснулся весь разбитый. Опоздал на работу.

К обеду скрепки кончились. Пошел в соседнюю комнату и взял новую коробку.

От авторов. До конца жизни оставалось 2 324 коробки скрепок.

Рисунок Д. КУЛИКОВА

— Сыпь погуще: сегодня у них аванс выдают.

Анатолий УВАРОВ

Лади — лектор

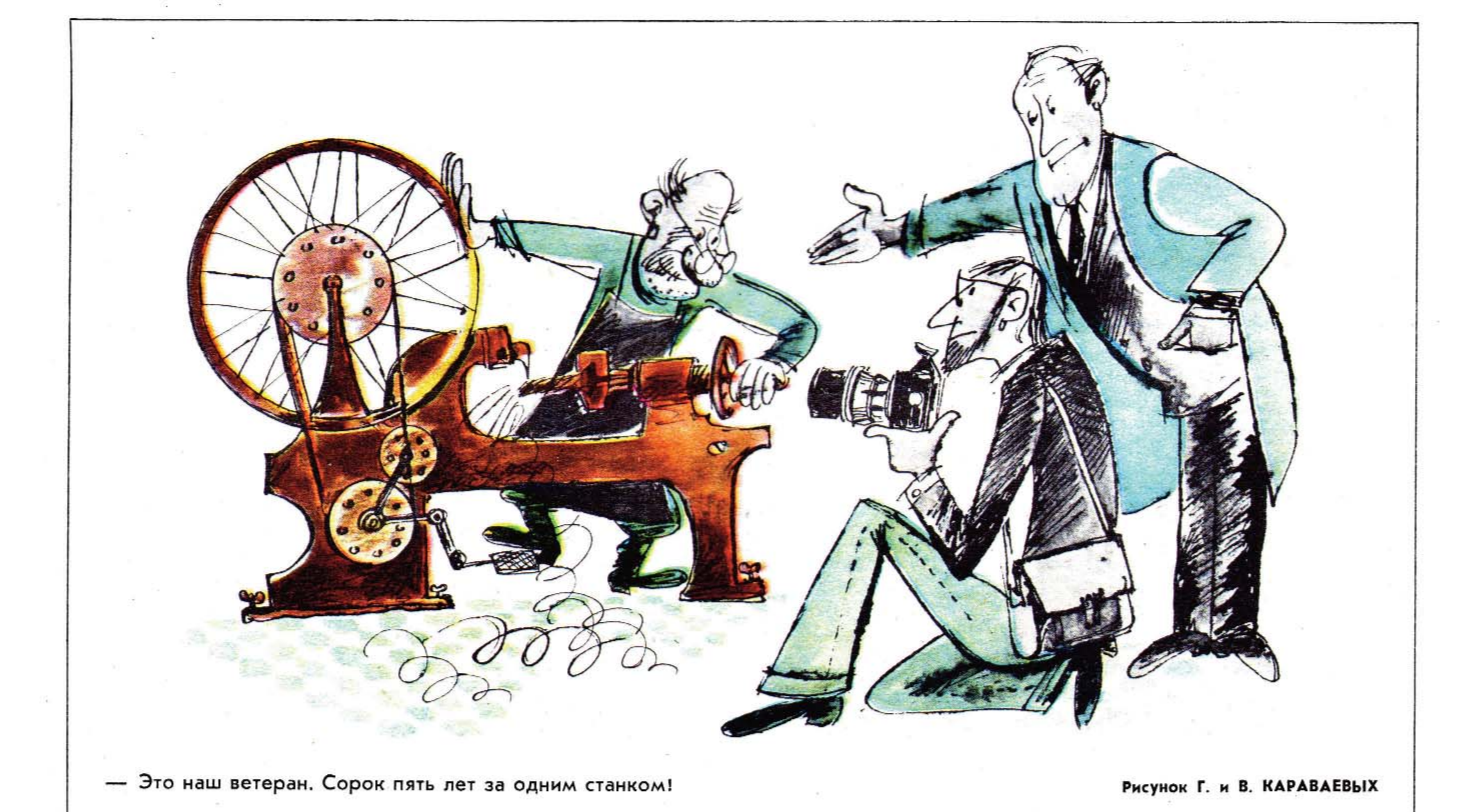
Ладй у нас — лектор.
И ходит молва,
Что дома,
Поставив три зеркала в ряд,
Он машет рукою
То час, а то два,
Уныло читая свой длинный доклад...

Ладй у нас — лектор.
И ходит молва,
Что долгие ночи
И дни напролет
Он ищет упорно
Такие слова,
Которых и сам, хоть убей, не поймет...

Он голову низко
К бумаге пригнет:
Чужие слова разобрать мудрено...
Поэтому в клубе
И дремлет народ
И думает сонно:
«Когда же кино?»

Хоть лекций читает
Немало Ладй,
Да кто им внимает?
Спроси-ка, поди...

Перевел с удмуртского
Мих. РАСКАТОВ.

— Это наш ветеран. Сорок пять лет за одним станком!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

С. БОДРОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Дело о «бормотухе»

Выдь на улицу, не сиди дома — на улице сказка. Листья желтые, красные штопорят, планируют... Грустят дворники.

Еще кругом реализуют яблоки, бананы, картофель, дыни «Римма-89».

И того хочется и этого. Соблазн...

Все есть осенью.

А по южным районам страны девушки в белоснежном собирают в корзины урожай винограда. Сладко на душе от протяжного мужского пения, быстрых танцев. Ночью с неба падают звезды. Смотрят на них люди в белых халатах, молча ходят вокруг больших деревянных бочек. Нет суеты в благородной профессии. Зачатие молодого вина требует чистых помыслов.

Так что может быть лучше осени?

Разве только следующая осень, когда годовалое вино появляется на свет. Теперь судьба его различна. Вино можно сразу продавать как ординарное. Можно подержать еще год-два и продавать как марочное. Наконец, через много лет его можно вынуть из энотеки под названием «коллекционное». Ослепит глаз украшенная золотыми медалями этикетка.

— Какой несравненный букет, какая вкусовая гамма...— пошевелит губами истинный знаток.

Иногда судьбы вина причудливо переплетаются с людскими судьбами.

Так, известно, что честолюбивый французский император предпочитал «Наполеон». Английский политический деятель Черчилль любил армянский коньяк. А вот Сережа Акопович Бабаханян пил мало.

Мы расскажем о судьбе Сережи Акоповича, как наиболее поучительной.

Сережа Акопович был бедный человек, ранее судимый, педагог по образованию. И хотя побывал он и в Бородине, и в Киеве, и в Комсомольске-на-Амуре, по-настоящему он влюбился только в Сибирь. Сибирь была его этапной и последней любовью.

«Трудовое Забайкалье приветствует дорогих гостей!» — такую надпись прочитал по слогам Сережа Акопович, когда во главе группы туристов спускался по трапу воздушного лайнера, приземлившись в Читинском аэропорту.

Путешественники раскланялись, но получать свой багаж пошли почему-то на железнодорожный вокзал. И там получили прибывшие несколько тонн закавказского вина.

Некоторые не знают, что такое Чита, а Чита — славный исторический город. Весной здесь цветут рододендроны, а в августе очень жарко. Туристы с любопытством смотрели по сторонам, только учитель физкультуры Меликян все предлагал:

— Может, на базаре будем сбывать?

— Такое количество долго можно сбывать,— резонно заметил Бабаханян.— До самой пенсии. Лучше сдать вино государственным организациям. Честное слово.

— Кто примет вино?— воскликнул учитель физкультуры.— Кто нарушит известное постановление, запрещающее закуп вина торговыми организациями от частных лиц?

— Никто не нарушит,— подтвердил турист Оганесян.

Туристы заспорили. Сережа Акопович не любил шума, поэтому он пошел в городской сквер и сел на скамейку. Рядом сидел пожилой честный человек по фамилии Кожевников. Еще раз повторим — честный человек. Он сидел в обеденный перерыв на скамейке и смотрел на природу.

Они подружились. Целый месяц Сережа Акопович готовил другу любимые блюда, бегал в магазин, развлекал сказками и игрой в нарды.

— Ты Шехерезада? — спросил Кожевников.

— Я человек открытого и щедрого сердца,— отвечал Сережа Акопович.— А ты кто?

— Я главный бухгалтер ДОРУРСа Забайкальской железной дороги.

— О, если ты бухгалтер, сделай милость — распорядись принять вино.

— Даю команду! — сказал главбух.

В эту осеннюю пору о добрейшем человеке из города Арташата узнали многие. Умел он делать приятное людям, легок был в общении. То завтраком угостит, то обедом, то ужином, а потом незаметно подарит что-нибудь дефицитное. Только дома обнаруживали в кармане модель Останкинской телебашни, кило сухого компота, электрическую зубную щетку, репродукцию картины «Неравный брак»...

Как-то бухгалтер Аржацкая попросила вместо репродукции женский гарнитур, но почему-то застеснялась брать.

— Обижаешь! — горячился Сережа Акопович.— Не как бухгалтеру дарю. Как женщине! Честное слово.

— Редкий человек,— приязненно бормотали знакомые, оказывая Сереже услуги.

Но и ему однажды не повезло, когда в хорошем настроении беседовал он с двумя людьми о проблемах международного положения.

— Все понятно,— перебили его.— Баланду не разводи. Давай шестьсот рублей — отправим вино в Могочу.

— Четыреста,— сказал Бабаханян.

— Вы не на базаре. Да и нам не к лицу с вами торговаться,— строго сказали руководители универсальной базы облпотребсоюза Смирнов и Гурский.

Бабаханян достал требуемые деньги.

— Аллё, два контейнера по пять тонн,— тут же забормотали по телефону руководители.— Для отправки олифы Могочинскому стройучастку. Аллё, за счет базы.

«Вот жулики, вот размах!» — с завистью подумал Сережа Акопович и тут же возжелал иметь втрое больше, чем раньше.

И августовской ночью в Борзе, в домах машинистов-пенсионеров Ангелова и Палкина затеялось некрасивое дело. В бочки с вином лили воду, бросали сахар, табак, лимонную кислоту и разную дрянь, затем размешивали огородной тяпкой.

Надо заметить, что за такие дела плюнет в лицо мастер-винодел, перестанет здороваться член французской Академии вина. Есть даже соответствующие статьи о фальсификации вина в УК Армянской и Грузинской ССР.

— Но нет такой статьи в Российской Федерации,— со знанием дела отпарирует Бабаханян.— Честное слово.

Так каждая бочка вина превращалась в три бочки «бормотухи», и тотчас она шла в торговую сеть...

Не мог уснуть ночами начальник Борзинского ОРСа Федосеев. Соблазнившись деньгами для покупки автомобиля «Запорожец» (ездить осенью за грибами и ягодами), мучился он раскаянием. Это через подведомственную ему торговую сеть шла в народ «бормотуха».

Вздрагивал Александр Евлампиевич от шагов случайных прохожих, пугался отблесков фар. Снилась ему беда...

Утром население пошло за покупками.

— Чем торговля?

— Армянское вино. Первый сорт,— били себя в грудь продавцы.

А тут на носу именины, проводы в армию, День учителя. Как не взять известного вина?

— Ведь не на базаре покупаем, а в потребкооперации. Не обманут.

Однако обманули. Напрасно главврач санэпидстанции Косов восклицал:

— Какой несравненный букет, какая вкусовая гамма! Приятно на вкус! Годно к употреблению!

Вопли и стоны населения заглушили голос санитарной службы. Незамысловатый афоризм «Пить — здоровью вредить» воплощался в жизнь. Борзя, поселок Акатуй, Могоча, станции Ерофей Павлович и Красавка Хангли жаловались на резь в желудке, головные боли и другие расстройства.

Наблюдался один положительный результат — хронический алкоголик Иннокентий Кукушкин чуть не умер, а после этого бросил пить. Став другим, Кукушкин нанялся лектором в общество «Знание» и выступал перед началом киносеансов с предостережениями и картинами ужасов.

Однако три года Читинская область захлебывалась в «бормотухе», пока не выпила сто сорок тонн суррогата и не заплатила кавказским «виноделам» триста двадцать шесть тысяч рублей с копейками. «Бормотуха» лилась рекой. А чтобы ее скорее выпили, на складах придерживали ящики со знаменитым армянским коньяком, с прекрасными винами — победителями конкурсов...

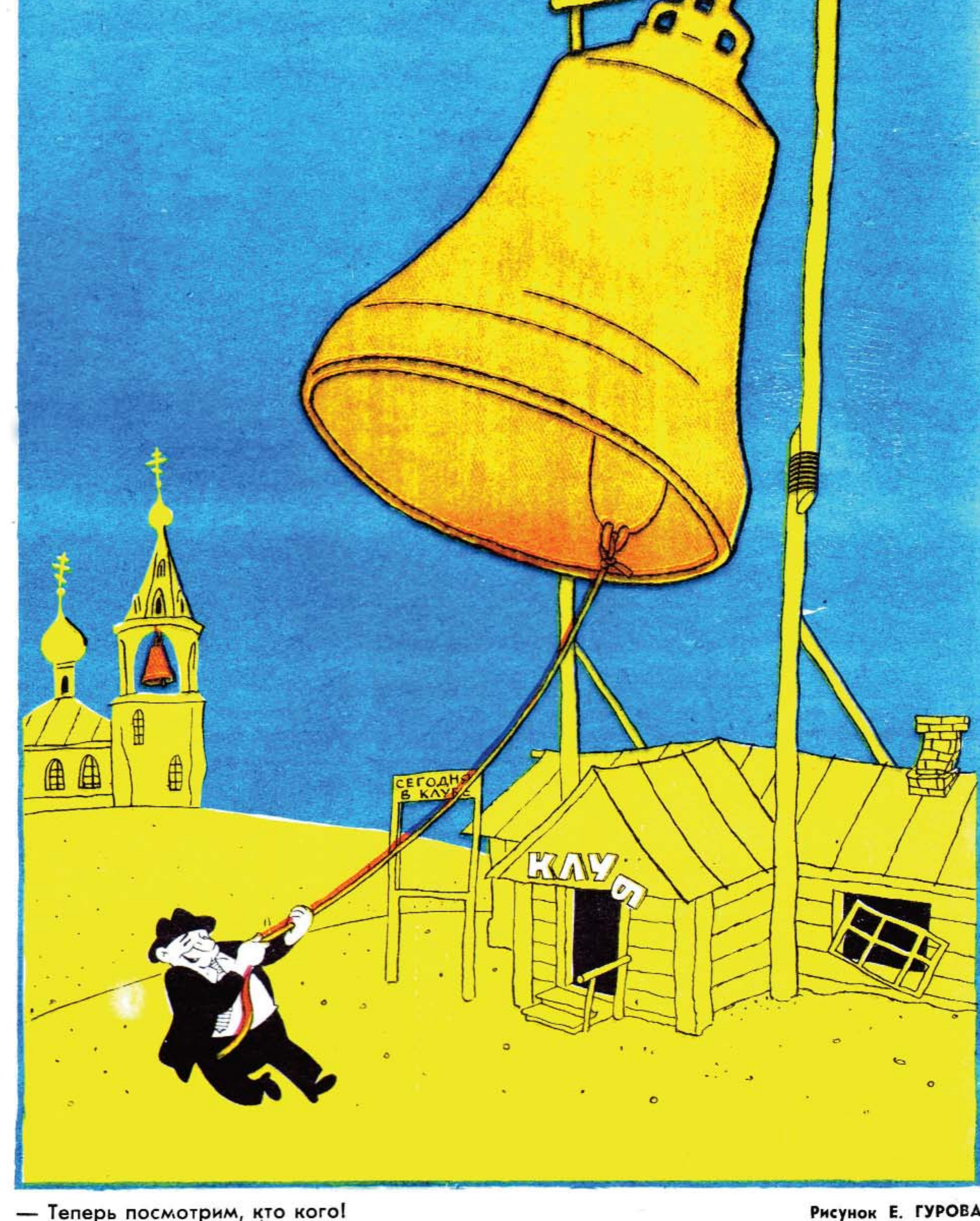
Работники прокуратуры и милиции в конце концов напали на след, поймали и обезвредили винных разбойников.

Но по-прежнему беззащитна еще огромная территория к востоку от Уральских гор. По-прежнему идет торговля в славных городах оптом и в розницу, в разлив и на вынос. Звенит посуда, и валит сибиряка с ног дьявольский продукт — «бормотуха»...

Дело не кончено.

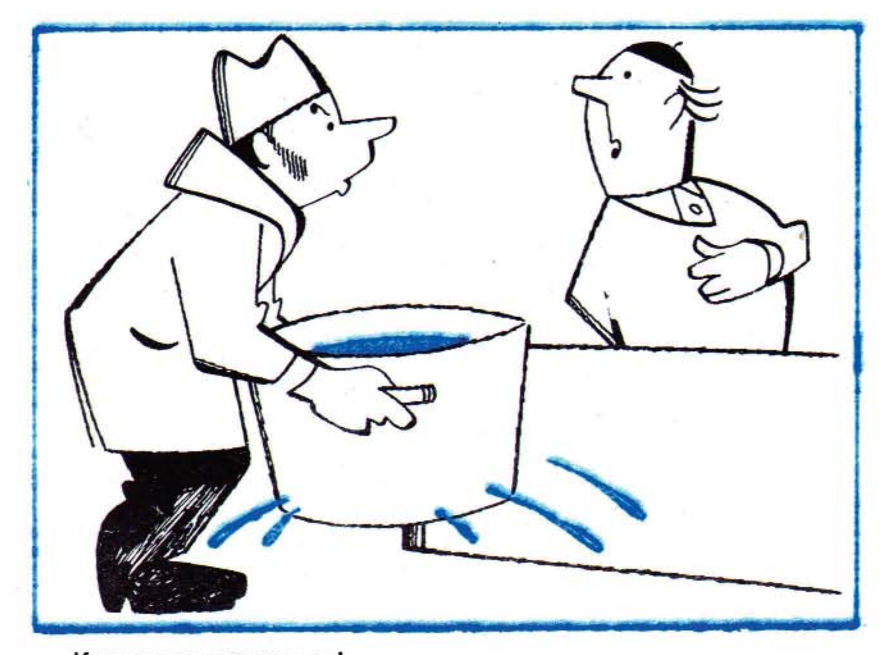
Дело начато.

Читинская область.

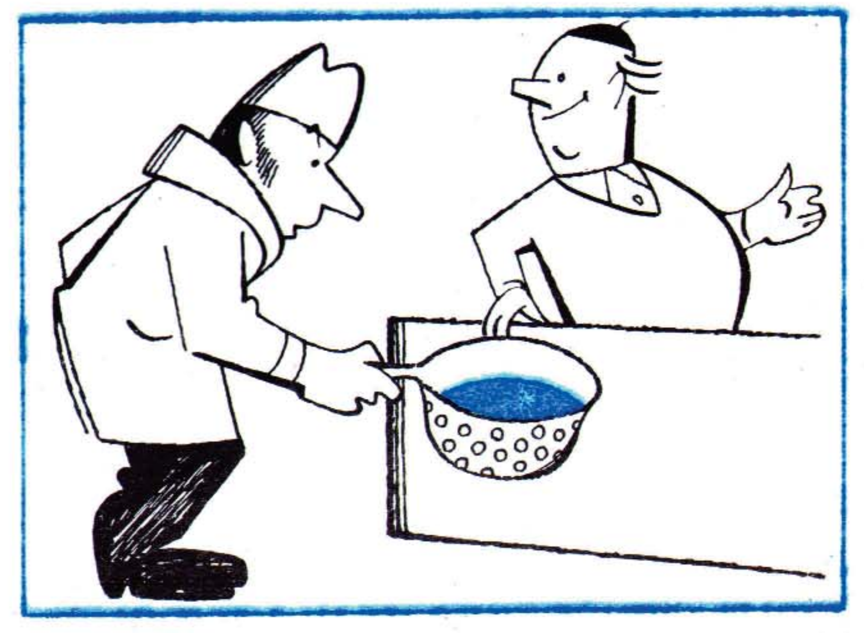

— Теперь посмотрим, кто кого!

Рисунок Е. ГУРОВА

— Кастрюля протекает!

— Возьмите дуршлаг...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

МИМОХОДОМ

Под какими только знаменами не приходится воевать дальтоникам!

Репетиция импровизаторов.

Ничего своего, даже принципы, и те заимствованы.

Плагиатор занимался поисками чужого «я».

Временно исполняющий обязанности хорошего человека.

Твердо стоял на своем, отстаивая чужие убеждения.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

Юрий БЛАГОВ

Еще о снежном человеке

Скажет в будущем ученый:
— Эврика, коллеги,
Человек-то снежный все же
Жил в двадцатом веке!
Обитал не на Памире,
Не на Эвересте,
А в обставленной квартире,
В оживленном месте...
В городах не полагалось
Людям спать в сугробе,
У него же наблюдалось
Что-то вроде хобби.
Пробегал неутомимо
Несколько кварталов,
Мимо школ вечерних, мимо
Клубов и спортзалов.
Удержать его едва ли
Помогли бы вожжи,
Ибо водку продавали
До семи, не позже...
Напивался он, теряя
С гражданами сходство,
Всенародно вытворяя
Всяческое скотство.
Из гортани вылетали
Не слова, а звуки.

Если ноги уставали,
Помогали руки.

А когда принять старался
Стойку боевую,
Кувыркался и врезался
Носом в мостовую.

Мог в саду оставить тело,
Мог и на проспекте,—
Тут не столько в снеге дело,
Сколько в интеллекте.

И прийти мы нынче можем
К выводу, коллеги:
Человек-то снежный все же
Жил в двадцатом веке!

ПЕРЕД ВАМИ ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ККК — КРАСНОЙ КНИГИ КРОКОДИЛА, ПОСВЯЩЕННОЙ ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ ПРИРОДЫ.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОТМЕТИМ, ЧТО «СИГНАЛ ТРЕВОГИ», ДАННЫЙ КРОКОДИЛОМ В ОДНОМ ИЗ ПРОШЛОГОДНИХ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА, МГНОВЕННО НАШЕЛ ОТКЛИК У ЧИТАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ БОЛЕЮТ ЗА СУДЬБУ НАШИХ ЛЕСОВ, ПОЛЕЙ И РЕК. В ПЕРВОМ ВЫПУСКЕ ККК ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ тт. АНИСИМОВ (г. Тула), ДОСУЖКОВ (г. Кострома), ЗЕНЕЦ (г. Омск), МИРСКАЯ (г. Фурманов), СИЗОВ (г. Никольск), НИЧИКОВ И ФЕДОТОВ (г. Ессентуки).

ИТАК, СЕГОДНЯ В ККК ЗАНЕСЕНЫ:

ОБЪЕКТ

УЧАСТОК РЕКИ ВОЛГИ под славным городом Костромой, а именно в том месте, где она протекает мимо территории здешней мебельной фабрики.

ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА в городе Омске.

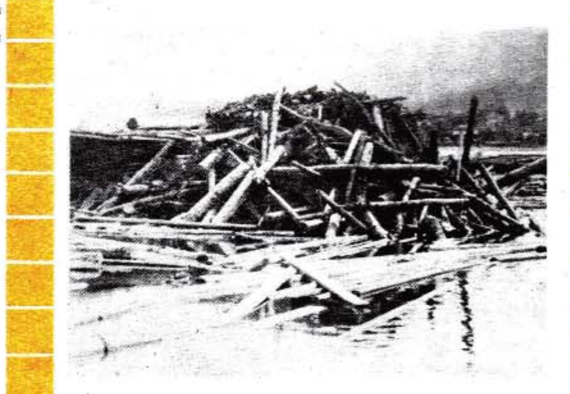
ВОЗДУХ над городской баней и окрест нее в городе Фурманове, Ивановской области.

ДВА ПРУДА И РЕЧКА ВЫРГАН в самом центре города Никольска Пензенской области.

ОБИТАТЕЛИ РЕЧКИ ГОЛУТЕНКИ — щуки, окуни, карпы, плотвички и прочие симпатичные рыбки,— протекавшей в недалеком прошлом по просторам Дубенского района Тульской области.

РЕКА ПОДКУМОК, несмотря ни на что, все еще протекающая в пределах микрорайона «Золотушка» города Ессентуки.

ВНЕШНИЙ ВИД

Предлагаем вам самим представить себе городской парк, который, как свидетельствуют очевидцы, постепенно превращается в стройплощадку.

Речка Выргaн представляет собой настоящий феномен Природы, поскольку вода в ней стойкого белого цвета. Однако это не «молочная река», что подтверждается не только отсутствием кисельных берегов, но и ее одуряющим ароматом. Небезынтересны и так называемые пруды, в которых создана уникальная среда, невыносимая даже для лягушек.

В настоящее время точному описанию не поддается, ибо упомянутые обитатели указанной речки находятся сейчас, так сказать, не в своей стихии — все они засыпаны толстым слоем земли.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

Умельцам мебельной фабрики оказалась по плечу совершенно как будто бы неестественная задача — создание в проточной речной воде эдакого автономного болота с трясинами, ряской, зловонием и прочими специфическими болотными штучками. Этого поразительного эффекта здесь добиваются регулярным сбрасыванием с берега отходов мебельного производства и какого ни на есть мусора.

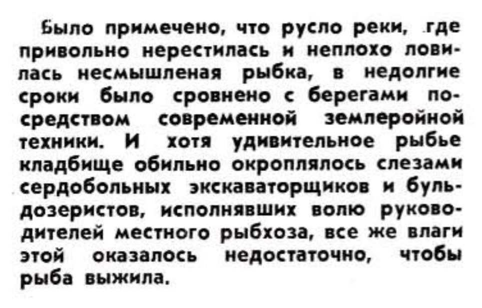

Когда-то в этих ныне оплакиваемых местах человек в содружестве с Природой создал довольно обширную территорию, где можно было на зеленой лужайке попасти несмышленых детей, укрыться в тени березки с последним номером «Крокодила» или просто пофланировать под дружеский щебет какого-нибудь щегла. А что было бы, если б пройтись здесь скрепером, бульдозером или канавокопателем! Нарыть котлованов, назабивать свай, наставить подъемных кранов! И что ж!.. Прошлись, нарыли, наставили... То-то получилось оригинальное местечко, не спутаешь с другими!

В отличие от новомодных саун, то бишь финских бань, в этом гигиеническом заведении возрождена безвозвратно было ушедшая «баня по-черному».

Бедноватая фантазия Природы, создавшей здесь в свое время чистые, ничем не примечательные водоемы, нуждалась в своеобразном допинге. Таковым явился невероятный коктейль из химических отходов, которые сбрасывает в воду местный завод «Красный гигант», плюс отходы местного маслозавода. Результат не замедлил сказаться. Лицо Природы изменилось до неузнаваемости.

Было примечено, что русло реки, где привольно нерестилась и неплохо ловилась несмышленая рыбка, в недолгие сроки было сровнено с берегами посредством современной землеройной техники. И хотя удивительное рыбье кладбище обильно окроплялось слезами сердобольных экскаваторщиков и бульдозеристов, исполнявших волю руководителей местного рыбхоза, все же влаги этой оказалось недостаточно, чтобы рыба выжила.

Немало поусердствовал здесь с одной стороны реки колхоз «Заветы Ленина», с другой — городские организации. Как известно, на юге что ни река — берега обязательно галечные. Родной Подкумок от других рек отличить невозможно. А ну как вычерпать с берегов всю эту гальку, называемую в строительном обиходе гравием! Да мало того, завалить образовавшиеся проплешины живописными холмами мусора, негодной жести, рваных автопокрышек и другого хлама!

Вычерпали, завалили... И теперь нередко можно наблюдать массовый сплав пескаря — единственного обитателя Подкумка. Судя по тому, что рыбку несет течением вверх брюхом, кто-то пускает в речку еще и особо ядовитый химикат, к которому хилый пескарь не сумел адаптироваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это теперь уже историческое место украшено трогательным лозунгом

Дирекция Костромской мебельной фабрики, очевидно, решила, что внесла этим посильную лепту во всенародное дело охраны природы и теперь может спокойно сидеть на своих стульях.

За последние тринадцать лет различным организациям города Омска соединенными усилиями удалось оттяпать у парка культуры почти половину — 70 гектаров пропадавшей зря местности и соорудить на оттяпанном кое-какие строения. Не за горами то время, когда будут завершены тяжкие труды по искоренению здесь «зеленого друга», как бы он ни цеплялся корнями за землю.

В кругах, близких к моющимся, утвердилось мнение, что дирекция бани таким остроумным способом решила перекрыть план по числу помывок. Не успевает размякший, благоухающий дегтярным мылом клиент, сдав шайку, ступить за порог, как голову ему посыпают пеплом. И тут он, естественно, поворачивает назад в радушные объятия пространщика.

Надо надеяться, что упомянутым водоемам теперь уже ничто не угрожает и в их охране нет нужды. Ведь к здешним водам, как говорил поэт, «и птица не летит, и зверь нейдет», да и человек держится от них подальше.

Удар, нанесенный по безгласным обитателям речки Голутенки, оказывается, связан с будущим воспроизводством рыбы в этих местах. Операция по засыпке русла реки проведена на благо грядущих рыбьих поколений, которые должны будут резвиться в запланированных здесь прудах. Парадокс очевиден, но закопанной рыбе от этого не легче.

В этом суетном месте вывешен плакат-назидание, намекающий на то, что, мол, речка не мойка для автомашин. Как на грех, плакат этот учрежден в самом удобном месте для мытья. Шоферы не в силах побороть искушение и заботливо купают здесь своих стальных коней.

Срочно требуется радетель!

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

Собрание жильцов возникло стихийно: из всех кранов шла соленая вода.

— Надо написать жалобу в жэк! — предложил жилец-общественник.

— Правильно, — подхватила чья-то бабушка, — наш водопроводчик всегда по утрам бегает за рассолом, он-то, наверное, и устроил...

— А я знаю, что случилось,— подал голос всезнающий Жорка,— море зашло в водопровод!

Соседи коллективно ахнули и замолчали...

Это случилось в Одессе, в одна тысяча девятьсот... Впрочем, точная дата сейчас не имеет значения. Более того, возможно, данного конкретного происшествия пока еще вообще не было. Хотя в авторитетных кругах утверждают, что имеются предпосылки.

Днестр—река, снабжающая водой Одессу, большую часть Молдавии и еще шесть областей Западной Украины. Так вот этот самый Днестр пошаливать начал.

— Хоть верьте, хоть не верьте,— заявляют статистики, — а водички в Днестре за последние годы меньше стало. На 20 процентов сток упал.

— А почему?

Вопрос этот адресуется людям, берущим водичку из Днестра в любых местах и сколько им угодно.

Нет у реки ни начальника, ни директора. Нет у нее радетеля, который бы охранял и сохранял ее текущее богатство.

— Нет, — говорят, — ни в одном штатном расписании такой должности. Не положено.

И берут днестровскую водичку все, кому надо и кому только кажется, что надо.

Где, скажите, должен брать воду для производства Роздольский горно-химический комбинат, что во Львовской области? А нефтеперерабатывающий Дрогобычский или газоперерабатывающий Бориславский заводы? А металлургические и прочие предприятия Ивано-Франковской, Хмельницкой и других областей? Что им, артезианские колодцы рыть, ежели поблизости река абсолютно дармовую воду несет?

И в Молдавии та же ситуация. Многочисленные консервные, сахарные, винные, дрожжевые и прочие заводы пользуются не какими-нибудь самодельными скважинами, а водой веселого Нистру, что в переводе на русский и есть Днестр.

От промышленности не отстает и сельское хозяйство, где речная вода позарез нужна — она должна творить чудеса на засушливых землях!

Тут у иного читателя может возникнуть справедливый вопрос.

— Ну и что?—скажет читатель.— Дает река воду — так на то она и река. Чего волноваться и разные междометия произносить по данному вопросу?

Прав уважаемый читатель. Междометия надо произносить по совершенно другому поводу.

...В тот самый момент, когда в Одессе происходила вышеописанная сценка на кухне у крана, у такого же крана на кухне где-нибудь, скажем, в Кишиневе, собрались соседи.

— Граждане, — обратился к присутствующим дотошный сосед, — пользуйтесь случаем! Кому надо покрасить светлые вещи в темный цвет, тащите их под кран!

Одна из женщин, набрав немного воды в стакан, ахнула:

— Черная!

А кишиневский всезнающий Жорка уверенно констатировал:

— Я знаю. Это вода из Дубоссарского водохранилища зашла в водопровод...

Вполне возможное происшествие. Многочисленные полезные предприятия не только берут из реки, но и частично возвращают воду обратно. И опять назревает ситуация. По авторитетным данным, три четверти возвращенной воды, культурно выражаясь, содержат отходы производства. Настолько содержат, что в иных местах реки можно смело ставить таблички: «Осторожно! Вода!»

Даже прогрессивное орошение нет-нет да и повернется к реке своей совсем не прогрессивной стороной.

— Где поливают, а где, извините, и разливают...

На некоторых насосных станциях умудряются выкачать воды вдвое больше, чем требуется.

И льется водичка и в солнечную погоду, и в дождик, и на сухие поля, и на прибрежные пойменные земли. По линии Министерства мелиорации и водного хозяйства Молдавской ССР на правой стороне реки и по линии такого же Министерства УССР — на левой стороне.

А тут еще конфуз с Днестровским лиманом произошел. У берегов самого, можно сказать, синего Черного моря.

Раньше в этом пресноводном лимане водилась четверть общеевропейского поголовья раков. А теперь...

— Караул! — кричат рыбаки. — Раки в лимане зимовать отказываются! По причине солености воды.

Несколько лет назад на лимане открылся Белгород-Днестровский морской порт. К нему канал из моря прорыли и морская вода в лиман проходит. В результате вместо раков сейчас здесь медуз ловить можно. Да что лиман! В устье Днестра соленость воды увеличилась в 5—10 раз! Поскольку сток реки уменьшается, того и гляди появится соленая водичка в одесском водопроводе.

И встает вопрос:

«Быть или не быть?» Реке, разумеется.

— Быть! — отвечают заинтересованные ведомства. Правда, каждое само по себе. И создают проекты. Много проектов хороших и разных. Есть, впрочем, и не такие уж хорошие.

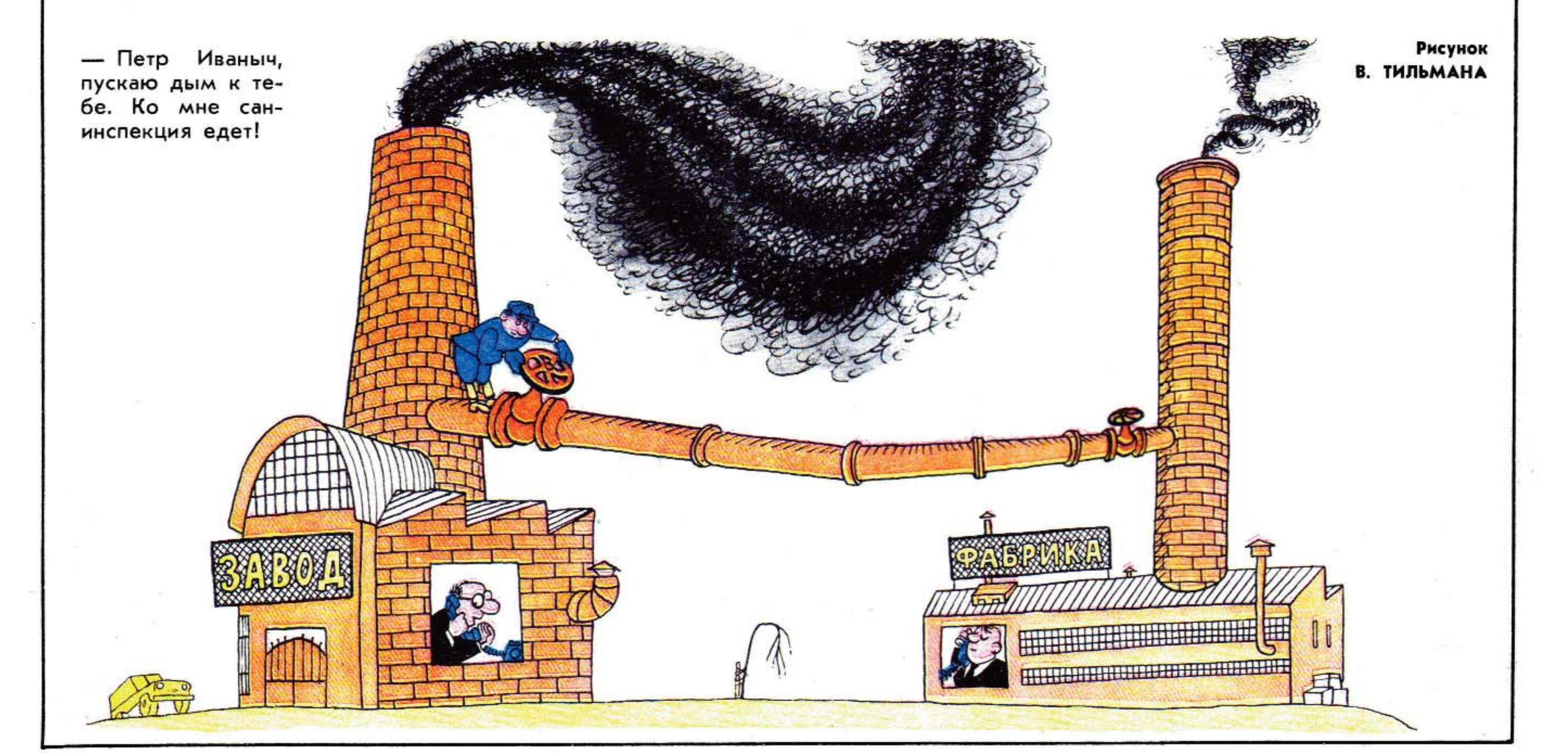
Проекты — проектами, а вода пока течет, а река и лиман изменяются...

И появляется тогда мысль — срочно требуется радетель! Один. Межведомственный. Наделенный всеми радетельскими правами: «Это разрешаю, а этого не сметь!», «Тебе столько воды, а тебе вот столько!»

И должен он не только разъяснять и убеждать, но если надо, извините, снять соответствующую одежку и, еще раз извините, выпороть ослушника. Ударить можно, в крайнем случае, и рублем, при условии, что он личный, а не государственный.

И, главное, радетель этот должен решить вопрос о Днестре во всем комплексе, целиком. Чтобы промышленность не осталась в убытке. И орошение чтоб развивалось. И порт чтоб жил. И люди чтоб могли безбоязненно пить воду.

Одесса—Кишинев.

— Петр Иваныч, пускаю дым к тебе. Ко мне санинспекция едет!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

С. ГУК, В. КОРОЛЕВ

Шпион-пенсионер в роли пророка

Старая мудрость — «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» — ныне заменена в ФРГ другой: «плох тот генерал, который не пишет мемуары». Витрины заполнены обложками сочинений, в которых их превосходительства доказывают, что война была проиграна не ими лично, а соседней армией, что «западные союзники» вели себя не так, как ожидалось, и что вообще каждый генерал — убежденный антифашист с января 1933 года, о чем было доподлинно известно его собственному денщику.

Книга генерала Гелена совсем другого рода. Однажды генерал уже пробовал вспоминать о прошлом. Его литературная премьера с примадонной — «Мартин Борман — советский шпион» — с треском провалилась. Даже симпатизирующие престарелому обер-шпиону критики сокрушенно покачивали головами: годы берут все-таки свое...

Но отставной генерал Рейнхард Гелен собрался в новый литературный поход: он готовится подарить соотечественникам «воспоминания о будущем». Книга «Приметы времени» еще не успела войти в соприкосновение с читателем, как мюнхенский иллюстрированный журнал «Квик» поспешил начать артподготовку, выпустив по читающей публике пять бризантных фрагментов.

Журнал рекламирует одного из столпов гитлеровской разведки и шефа секретной службы ФРГ во времена «холодной войны» как персону, продолжающую оставаться — несмотря на пять лет пенсионного существования — «одной из самых информированных в мире».

Нужно отдать должное бывалому мастеру шпионажа и провокаций. Он понимает, что даже самый глупый читатель самой примитивной в мире газеты — шпрингеровской «Бильд-цайтунг» — перестает верить выдумкам о готовящемся вторжении красных в землю Шлезвиг-Гольштейн или о том, что рыба в Рейне отравлена агентами с Востока. Поэтому генерал поступает, как ящерица: он жертвует хвостом, чтобы спасти целое. С запозданием на полвека он признает, что Советский Союз в ближайшие годы ни на кого нападать не собирается. Но... С другой стороны, оказывается, что советское стремление к миру — это коварный и тонко рассчитанный ход.

Гелен действительно один из самых осведомленных людей в мире. Он знает о советских планах даже то, что неизвестно ни одному человеку в Москве. Оказывается, лукавые русские намерены истощить Западную Германию экономически, дезориентировать политически и приступить к запугиванию ее военной силой. Над страной нависла опасность «финляндизации», то есть превращения ее в нейтральную миролюбивую державу. И вот когда последнюю пушку переплавят в кран для пивной бочки, Советам останется лишь отдать экипажу головного танка приказ: «Дранг нах вестен!».

Что больше всего беспокоит генерала в его согражданах? Они, оказывается, плохо относятся к «ориентирующимся на Запад» режимам в Греции, Португалии, ЮАР. А зря. Ведь «решающим является то, что эти страны — цитадели свободного мира», и Гелен брюзжит, упрекая «ведущие державы западного мира», которые, дескать, обращаются с его любимцами «хуже, чем с коммунистическими государствами». «Португалия и ЮАР ведут оборонительную борьбу против черноафриканских войск освобождения», а также «отчаянную борьбу за свою свободу и существование». Любопытно, что, кроме упомянутых правительств, симпатию экс-шпиона вызывает еще «автор Александр Солженицын», который «желает большей свободы самому себе».

Время покажет, соберет ли новая книга хотя бы негустую аудиторию. Но чем же в таком случае руководствовался «Квик», преподнося с помпой 1,5-миллионным тиражом эти пророчества?

Недавно журнал «Штерн» поместил любопытный материал, свидетельствующий о том, что Рейнхард Гелен и главный редактор «Квика» Хайнц ван Наухойс далеко не чужие друг другу люди и знакомы по совместной работе в одном и том же ведомстве. Наухойс долгое время, не довольствуясь редакторским жалованьем, пополнял свой личный бюджет из кассы федеральной разведывательной службы (разумеется, в обмен на разного рода услуги). Да, да, речь идет именно о западногерманской разведке, где Гелен в качестве шефа нес свою бессменную вахту вплоть до 1968 года. Как видим, Наухойс не остался в долгу у своего бывшего благодетеля.

Отравители европейского климата.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

НЬЮ-ЙОРК. Представители чилийской военной хунты и одной из крупнейших американских военно-химических корпораций, «Доу кемикл», подписали соглашение о возвращении корпорации предприятий, национализированных правительством Народного единства. «Доу» счастлива возвратиться в Чили»,— заявил один из ее директоров. Довольны и генералы-вешатели: «Доу» имеет богатый «боевой» опыт — именно она поставляла Пентагону напалм и отравляющие вещества для войны во Вьетнаме.

САНТЬЯГО. Здесь объявлено, что хунта закупит в США несколько кинофильмов. Однако подобрать подходящие ленты будет наверняка нелегко: гуманистические картины вряд ли пропустит военная цензура, а «фильмы ужасов» наверняка не будут иметь коммерческого успеха — в Чили предостаточно невыдуманных ужасов.

СОЛСБЕРИ. Помимо энергетического кризиса, в Родезии, кажется, назревает кризис расистский: не хватает расистов. Такое предположение напрашивается, когда читаешь о решении родезийских властей привлечь в страну миллион белых иммигрантов из Западной Европы и Америки. Конечно, по всему Западу можно наскрести миллион расистов. Но согласятся ли они поехать в Родезию, где от разбушевавшихся аборигенов можно и голову сложить!

ЧИКАГО. Полиция сообщила, что в прошлом году здесь было убито 864 человека. Кстати, в 1929 году, в период сражений между гангстерскими шайками, в Чикаго совершено «только» 401 убийство. Ах, эти добрые старые времена!

На американских военных базах многие офицеры и солдаты — наркоманы и алкоголики.

НОВЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

В. ДРОБКОВ

«Вернись, я все прощу!»

Раздался звук лопнувшей струны.

Жозе Мануэль ди Беттенкур Родригиш отложил гитару и подошел к окну. За толстым армированным стеклом и стальными прутьями решетки в душной темноте кувыркались лохматенькие тропические звезды. Жужжание кондиционера, шаркающие шаги и ленивая ругань часовых вокруг дворца пробуждали ту липкую и неохватную тоску, от которой хотелось не то напиться, не то написать кляузу на начальника.

Ни того, ни другого Родригиш позволить себе не мог. Пить не давала больная печень, а начальника у него поблизости не было. Генерал-губернатор, а заодно и главнокомандующий вооруженными силами в португальской колонии Гвинея-Бисау, Родригиш сам был здесь главным начальником.

По правде говоря, и колонии Гвинея-Бисау уже не существовало. Не прошло и двух недель со дня приезда нового генерал-губернатора, как неблагодарное население провозгласило создание Республики Гвинея-Бисау. И вот теперь несостоявшийся генерал-губернатор, в одночасье превратившийся в заурядного оккупанта, ломал голову в поисках выхода из этого весьма щекотливого положения.

А положение у Родригиша было пиковое. Антониу ди Спинола, который был до него генерал-губернатором Гвинеи-Бисау, оставил после себя более чем скромное наследство. С грехом пополам португальцы удерживали одну пятую бывшего генерал-губернаторства. Да и та представлялась окопавшемуся за колючей проволокой гарнизону скорее наклонной плоскостью, чем гордым бастионом пятисотлетней колониальной империи. Теперь, с провозглашением республики, эта плоскость приобрела прямо-таки катастрофический наклон в сторону океана.

«Что делать? Что делать?» — Родригиш метался по гулкому кабинету. Еще по пути в Бисау он понял, что старые методы тут не помогут. И его предшественник ди Спинола и предшественник его предшественника Арнальдо Шульц уже использовали в Гвинее-Бисау весь арсенал «цивилизаторов». Взбунтовавшуюся колонию бомбили с воздуха, обстреливали с земли и моря. Целые деревни сжигали белым фосфором, а жителей загоняли в концентрационные лагеря. Джунгли, как из лейки, поливали напалмом. Травили ядохимикатами флору заодно с фауной. И вот теперь последняя пядь бывшей колонии грозила съежиться до размера подошвы генерал-губернаторского ботинка, которым он, Родригиш, вскоре вынужден будет отпихнуться от этой негостеприимной земли и сигануть на трап последнего португальского крейсера!

«Ловкач Спинола знал, что делал, когда решил смотаться отсюда. Он, видите ли, «ушел в отставку ввиду сильного переутомления». И это на следующий же день после того, как получил приказ остаться в Бисау на второй срок»,— в бессильной ярости размышлял Родригиш. Как раненый зверь, он кругами ходил по комнате. Заныла печень. Чтобы хоть как-то успокоиться, Родригиш опять взялся за гриф гитары.

И тут его осенило!

Единственно верная, блестящая мысль белым фосфором вспыхнула в его воспаленном мозгу.

— Магнитофон, доставить мне магнитофон! — закричал он и, размашисто аккомпанируя себе на семиструнке, грянул на весь дворец:

— Вернись, я все прощу,
Я все забыть готов.
Пусть сыновья опять вернутся в лоно...

На вздымавшейся в такт аккордам генеральской груди лязгали боевые ордена, полученные еще от Салазара за службу в Анголе. В старинном буфете позванивал хрусталь.

— Я нашел, я знал, что найду,— мотал головой обессилевший генерал-губернатор.

— Кого, ваше превосходительство? — почтительно поинтересовался денщик.— Если того священника, что подстрекал не платить налоги, так он давно в кутузке сидит.

— Дурак,— беззлобно засмеялся Родригиш,— я нашел способ раз и навсегда покончить с партизанами. Завтра же передать мой романс... мое обращение по радио. После «вернитесь в лоно» добавить «матери Португалии, которая всегда открыта для своих сыновей. Пусть даже заблудших». И все вместе будем строить новую Гвинею-Бисау.

— Но ведь они уже начали строить **свою** Гвинею-Бисау.

— Молчать, провокатор! — взорвался генерал.— Я провожу операцию «от сердца к сердцу». Я взываю к душам отступников. понятно тебе, заскорузлый солдафон? Я бужу в партизанских сердцах тоску по старым добрым колониальным временам.— Генерал судорожно притиснул днище гитары к двенадцатиперстной кишке, цапнул струны и с трагическим надрывом вскрикнул: «Верни-и-сь!»

Подчиненные, украдкой смахивая со лбов бусины холодного пота, покинули кабинет.

Ночью все спали плохо. Утром по радио Бисау передали обращение генерал-губернатора к партизанам с призывом «вернуться в лоно родины и сотрудничать с Португалией». Листовки на тему «Вернись, я все прощу» разбросали над партизанскими базами.

— Ну, как там? Ну, что они? — весь день нудел, цепляясь к адъютантам, господин генерал-губернатор.

Под вечер поступили разведданные. Огорчительные. Согласно донесениям, партизаны смеялись долго и оскорбительно. «Пусть,— говорили они,— он сам возвращается в лоно, к своей маме Португалии».

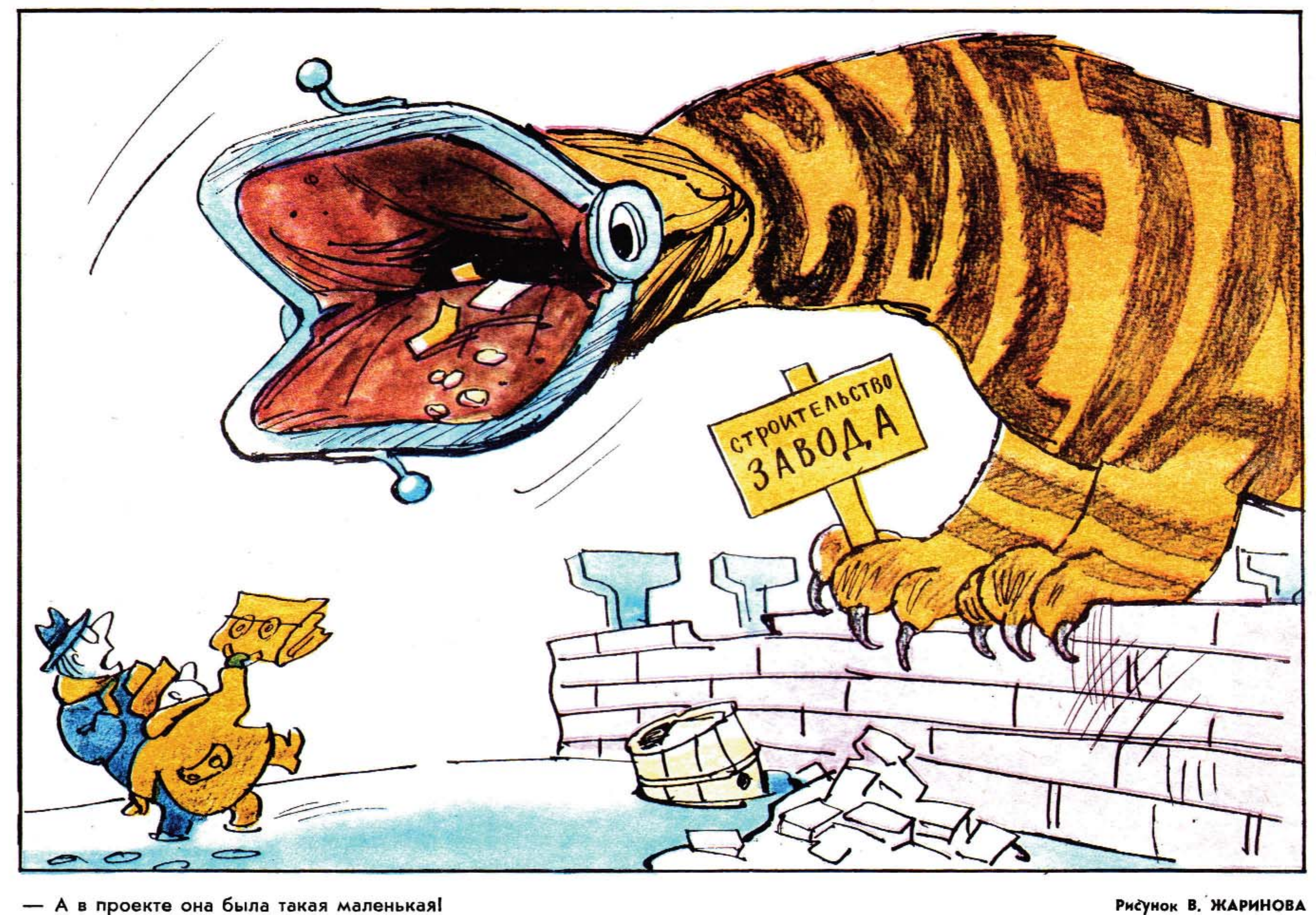
Да и в самом деле было отчего посмеяться.

Республику Гвинея-Бисау давно уже признало большинство стран — членов ООН. «Заблудшие дети», а точнее — граждане нового африканского государства, успешно строят будущее своей родины.

А безутешный Жозе Мануэль ди Беттенкур Родригиш, генерал-губернатор без генерал-губернаторства, с гитарой наперевес мечется по кабинету и кричит в гулкую темноту слова жестокого романса:

— Вернись, я все прощу, я все забыть готов!

Он-то готов...

— А в проекте она была такая маленькая!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Нарочно не придумаешь

«Посылаю свои стихи. Извините за безграмотность. Прошу опубликовать».

(Из письма в редакцию газеты).

Копию снял С. Марченков, г. Порхов.

«Лучшие люди», которые не сдадут фотографии для цеховой доски почета до 27 декабря, будут 28 декабря нарисованы, вместо доски почета, в стенгазете «Под пресс». Цехком».

Прислал Ф. Зарипов, г. Ижевск.

«Необходимо провести перепись скота среди населения».

(Из плана мероприятий).

Списал В. Пономарев, Павлодарская область.

Фото В. Марка, г. Кривой Рог.

О ВОЗМОЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРОГРАММЕ ВАМ СООБЩАТ ДИКТАТОРЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИО

Газета «Телевидение — Радио», г. Пенза.

ВЕСЕЛЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Буксир с двигателем мощностью сорок сатирических сил тащит за собой осоловевшего от кабинетной спячки бюрократа... Это — на обложке. А под ней — все 40 (сорок!) авторов нового сборника, выпущенного Верхне-Волжским книжным издательством, что в Ярославле. Молодые и не слишком, маститые и не очень, мужчины и женщины, прозаики и поэты, а в общем — земляки-верхневолжцы.

И поэтому ничего удивительного, что в сборнике хватило места всем ныне существующим в нашем цехе жанрам (кроме, разумеется, крупногабаритных) — от памфлета, рассказа, фельетона до пародии, эпиграммы, афоризма. Так сказать, «товары» на любой вкус. Но все, понятно, более или менее смешные. Поэтому-то сборник и называется «Веселый буксир».

В библиотечке журнала «Советский воин» вышел сборник юмористических рассказов подполковника Евг. Гулака «Щепотка соли». Иллюстрации к сборнику выполнены художниками Г. и В. Караваевыми.

«Книга пародий» выпущена Киевским издательством художественной литературы «Дніпро». Сорок восемь известных украинских писателей и поэтов представил читателям сатирик Юрий Ивакин.

«И смех, и слезы, и любовь...» — так называется книга стихотворных фельетонов В. Константинова и Б. Рацера. Книга родилась в Лениздате.

Лирико - эксцентрическая комедия с музыкой, пением и танцами выпорхнула из колыбели «Ленфильма». Название ее — «...А вы любили когда-нибудь?» — говорит само за себя. Автор сценария Олег Митин, режиссер-постановщик Игорь Усов. В главных ролях: Алла Мальцева, Владимир Пучков, Людмила Шагалова. Заслуженные артисты РСФСР Георгий Вицин и Сергей Филиппов дебютируют в роли... бабушек.

— Будь здоров, расти большой!

Такой симпатичной картинкой открывается серия рисунков художника-юмориста Евгения Щеглова, вошедшая в его новый альбом «О больших и маленьких».

Автор подметил множество забавных эпизодов и коллизий во взаимоотношениях взрослых и малышей. Как карикатурист он, естественно, не мог пройти мимо некоторых неприглядных примеров, которые подают старшие младшим. Все это можно увидеть в отлично изданном «Советским художником» сборнике рисунков нашего товарища по цеху.

Владимир ЛИФШИЦ

ХОРЕК И ЛАРЕК

Один хорек
Проник в ларек
И на разгром его обрек:
Учуяв там
Запас колбас
И куриц
полупотрошенных,
Под стенку подкопавшись,
он их
Стащил в глухой
полночный час.

Четвероногий наглый вор,
Хорек всегда такое тащит.
Но для чего же
«Беломор»
Стащил хорек!..
И пива ящик!..

Догадка осенила нас:
Конечно,
для отвода глаз!

— Дальность полета небольшая, зато стиль оригинален.

Рисунок Г. ИОРША

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Неужели кто-то мог потерять такое? Неужели кто-то нашел и сдал сюда?..

КРОКОДИЛ ПОМОГ

РИСУНКИ: ВЗАИМНЫЕ РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

В № 32 «Крокодила» за прошлый год был опубликован рисунок А. Семенова «Сегодня у нас в городе праздник: ветер в другую сторону подул». Тема этого рисунка была прислана на конкурс читателем С. Ершовым из г. Безмеина, Туркменской ССР.

Редакция поздравляет С. Ершова с присуждением ему второй премии на конкурсе. В свою очередь, директор Безмеинского цементного завода тов. А. Пиндерук, справедливо принявший изообвинение на свой счет, сообщает нам, что проблема чистого воздуха в Безмеине и его окрестностях давно волнует общественность и руководство завода. В этом направлении сделано многое. В частности, проведены работы по исследованию и использованию в производстве пластичных глин, способствующих уменьшению выделения пыли. Проведен ремонт и модернизация печных электрофильтров.

Тов. А. Пиндерук признает, что перечисленные меры решают проблему лишь частично. Поэтому Министерство промышленности строительных материалов СССР с целью создания санитарных условий в Безмеине приняло решение о переводе завода на мокрый способ производства цемента. В связи с этим решением строительным организациям республики предстоят в 1974 году строительно-монтажные работы на сумму 1,6 миллиона рублей.

* * *

Группа читателей выразила свое недовольство рисунком В. Шкарбана в 35-м номере за 1973 год: художник изобразил козу с коровьим выменем. Редакция приносит свои извинения. Тов. Шкарбан срочно направлен на курсы мясного и молочного скотоводства при Институте усовершенствования знаний специалистов сельского хозяйства.

Отныне к рисованию мелкого рогатого скота художник будет допускаться лишь при предъявлении диплома дояра первой степени.

* * *

В 32-м номере «Крокодила» за прошлый год был помещен рисунок С. Кузьмина. Старушка, держа карточку «Спортлото», обращается к иконе: «Никола Чудотворец, услышь мою молитву: 3, 12, 22, 23, 37, 40».

Читатель Юрий Смирнов из Ленинграда пишет:

«Дорогой Крокодил, спасибо Вам за подсказку счастливых цифр в «Спортлото». Я дважды выиграл».

Товарищ Смирнов просит редакцию печатать счастливые номера перед каждым тиражом лотереи.

Крокодил, к сожалению, выполнить эту просьбу не может. Действительно, если все, пользуясь подсказкой журнала, начнут выигрывать, где взять деньги на выплату выигрышей, а также на строительство спортивных комплексов и сооружений? Идея «Спортлото» будет загублена.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Доктор, у моего мужа правая нога короче левой. Что ему делать в его положении?
— Хромать!

●

— Скажи, Эдвард, почему на том колечке, что ты мне подарил, выгравированы инициалы ОД, когда меня зовут Вера Хансен?
— Что ты говоришь? ОД? Ах, да, это означает... один и две десятых карата.

●

Знакомый — голливудской кинозвезде:
— Знаешь, я, к сожалению, не смогу прийти к тебе на свадьбу.
— Не огорчайся, скоро будет следующая.

●

— Мамочка, можно мне искупаться в море сейчас? — спрашивает маленькая Жозефина.
— Ни в коем случае, деточка. Волны слишком большие!
— Но папочка же купается.
— Папочка застрахован.

●

Психиатр:
— Так вы говорите, что платите налоги с радостью? И когда это у вас началось?

●

— Моя дочь говорила, что вы работаете фокусником.

«Уикэнд», Англия.

— Ты меня поражаешь: как можно быть таким суеверным?..

«Пуркуа па?», Бельгия.

УЛЫБКИ

Эриксон пришел домой поздно и изрядно навеселе. Около дома он обнаружил, что потерял ключ от парадной двери. Он бросил камешек в окно спальни и, когда разбуженная жена выглянула в окошко, крикнул, чтобы она бросила ему ключ, что она и сделала. Однако прошло полчаса, а Эриксона все не было. Тогда жена снова выглянула в окно и спросила:
— Может, ты хочешь, чтобы вместе с ключом я тебе бросила еще и замочную скважину?

— Бог с ней, с Золушкой! С ней я встречусь в следующий раз...

«Бонёр», Франция.

УЛЫБКИ

— Вы знаете, доктор, то лекарство, что вы прописали в прошлый раз, помогло.
— Ну что я могу сказать? Бывает...

●

— Что ты хочешь, чтобы я приготовила к вечеру 24 июля 1985 года?

«Темпо», Италия.

—Стало быть, по вашему мнению, у меня нет никаких оснований для развода?!

«Се», Швеция.

●

— Один датский турист в Мадриде хотел заказать в ресторане бифштекс с жареными шампиньонами. Но он совершенно не умел говорить по-испански.
— И как же он вышел из положения?
— Очень просто. Он нарисовал гриб и быка.
— И его поняли?
— Почти. Официант принес ему зонтик и билет на корриду.

Слова, слова...

Перед тем, как я женился, у меня было шесть теорий воспитания детей. Сейчас у меня шесть детей и никаких теорий.

Лорд Рочестер, английский поэт.

Всегда лучше говорить правду, если вы, конечно, не профессиональный лгун.

Джером К. Джером, английский юморист.

Второй брак — это торжество надежды над опытом.

Самюэль Джонсон, английский литературный критик.

Религия оказала любви большую услугу, назвав ее грехом.

Анатоль Франс, французский писатель.

Маленькая инфляция все равно что небольшая беременность — она продолжает расти.

Леон Хендерсон, американский экономист.

Если вы хотите узнать о каких-нибудь недостатках женщины, скажите что-нибудь хорошее о ней ее подругам.

Бенджамин Франклин, американский государственный деятель.

Супружеская жизнь — это книга, в которой первая глава написана стихами, а все остальные — прозой.

Николс Биверли, английский писатель.

РАЗНЫХ ШИРОТ

Адам ОХОЦКИЙ (Польша)

КАК Я ПОПАЛ В РАЙ

Святой Петр оглядел меня, насупил брови и спросил:
— Хочешь в рай, да грехи не пускают?
— Безгрешен я, святой Петр! — возопил я. — Пропусти меня!
— Сейчас все проверим. Как ты сюда попал?
— Свалился с третьего этажа.
— Самоубийца? Вали отсюда! Таких не принимаем.
— Да нет! Я случайно выпал. Но этим я осчастливил девять человек. А в перспективе, может, и больше.
— Рассказывай, как было дело. Только говори правду.
— Ну, что за вопрос! Конечно, только правду. Стало быть, после долгих хлопот я получил трехкомнатную квартиру. С кухней.
— И что дальше?
— Мой знакомый Заливайко чуть с ума не спятил, когда узнал об этом.
— А он что, не имел квартиры?
— Имел. Двухкомнатную. Тоже с центральным отоплением, кухней и прочими удобствами. Но одной комнатой меньше.
— А ему хотелось трехкомнатную?
— Еще как! Он перестал со мной здороваться и всем говорил, что я захватил квартиру, которая предназначалась ему. Он, наверное, выжил бы меня из квартиры, если бы ему не пришлось самому отбиваться от Гжибека, что жил в одном доме с ним.
— А чего хотел этот Гжибек?
— Он хотел двухкомнатную квартиру Заливайко.
— А ему что, жить негде было?
— Было, было! Он имел прекрасную однокомнатную квартиру. Но утверждал, что ему с женой там тесно. Он бы этого Заливайко сжил со света, но ему самому приходилось отбиваться от Обрабяльского.
— Обрабяльский хотел получить квартиру Гжибека?
— Именно! Я вижу, что вы уже начинаете кое-что понимать в земных делах. У Обрабяльского была хорошая комната, но в коммунальной квартире. С соседями. И он подкапывался под Гжибека. Но и у него времени не хватало: приходилось отбиваться от Блюцяка.
— А у этого что было? — заинтересовался святой Петр.
— А вот у этого ничего не было. Он снимал угол у какой-то старухи.
— Та-ак! — Святой Петр погладил бороду. — Кажется, я начинаю понимать. Ты выпрыгнул из окна, чтобы помочь всем этим людям?
— Не совсем так, — признался я. — Просто устроил у себя новоселье, хватил лишнего, не заметил, что окно открыто, и вывалился. Но этим помог людям. Теперь исполнятся все их мечтания! Блюцяк из своего вонючего угла переберется в коммуналку Обрабяльского, Обрабяльский въедет в однокомнатную квартиру Гжибека, Гжибек займет двухкомнатную квартиру Заливайко, а Заливайко — мою трехкомнатную. И всем будет хорошо.

Святой Петр посмотрел на меня увлажнившимися глазами.
— Пусти меня в рай, — смиренно сказал я.

Святой Петр взмахнул рукой. Явился ангел-квартирмейстер.
— Дайте ему квартиру на 78-м облаке, — сказал святой Петр, — ту, что из моего личного фонда...

Ну что вам сказать? Я живу теперь по-царски. У меня квартира из четырех комнат, с двумя балконами, свой гараж, телефон, цветной телевизор. Единственное, что меня точит, — это мысль о Заливайко. А что, если он узнает о моем житье и начнет под меня подкапываться? А под Заливайко — Гжибек, а под Гжибека — Обрабяльский, а под Обрабяльского — Блюцяк. Что я тогда буду делать? Рай — это не трехэтажный дом. Тут из окна не вывалишься...

Хотя, впрочем, до меня дошел слух, что по соседству имеется пятикомнатная райская квартирка, в которой живет какой-то одинокий святой. Напишу-ка на него заявление в райжилотдел...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ

ШИРОТ

●

В одном южном штате, где существовал сухой закон, два приезжих спросили на улице местного жителя, где они могут что-нибудь выпить.

— В этом городе виски служит средством против змеиных укусов, — сказал тот. — Здесь только одна змея, и вы бы поторопились занять очередь, пока она не устала.

●

Один крупный биржевой магнат с Уолл-стрита влюбился в актрису и в течение многих месяцев ухаживал за ней. Решив на ней жениться, он предусмотрительно нанял частного детектива, чтобы выяснить, с кем общается его невеста, какое у нее прошлое и прочие данные из ее биографии. Через некоторое время он получил отчет от детектива, где сообщалось, что мисс Блэнк пользуется прекрасной репутацией. Ее прошлое безупречно. Она встречается только с уважаемыми людьми. Лишь в последнее время она начала бывать в обществе одного бизнесмена, у которого весьма подозрительная репутация.

КРОКОДИЛ

№ 4 (2086)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Жаринов, В. Каневский, Г. и В. Караваевы, Д. Куликов, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Федоров, Ю. Черепанов, И. Шиков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/I 1974 г. А 00723. Подписано к печати 30/I 1974 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 600 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 442 450). Изд. № 262. Заказ № 1732.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.